

Ронни вернулся в лазарет, где они находились, и вздохнул, увидев, что Цермин всё ещё не проснулся. Сняв сапоги, он направился к пустой кровати рядом с ним. Персонал лазарета, подчиненный Одному Слову, принес ему еду и снабдил спящего принца ежедневными зельями. Отослав их после трапезы из жареного мяса и каши, Ронни обратился к своей системе: – Моё умение? [Верно.] Каи, казалось, был чем-то отвлечён и ответил через некоторое время. [Кнут Рун При использовании кнута, на котором вы начертаете руны, связанные с богом, вы сможете активировать ограниченное количество его силы. Чем выше качество кнута, тем больше его потенциал.] Ронни нахмурился: – Верно. Кнут Фаусоруса должен быть лучшим для этого, но его всё ещё нигде не найти. Он вспомнил тот фиолетовый кнут в стеклянном футляре. Он извивался, как змея, и, должно быть, кусал, как змея, с каждым ударом. – Говорили, что Аурион его хранит. А Аурион, похоже, нигде нет в Магетии, ни в этом материальном мире, ни на Другой Стороне. Ронни почесал подбородок: – Возможно, это было так же, как Ловушка, который заключил себя в созданном им измерении внутри янтаря. [Умение Кнут Руны легко активировать, но нет числового стандарта для его улучшения. Всё зависит от вашего понимания рунной магии и использования самого кнута как оружия.] – То есть, это практическое умение. Не дарованное. – Ронни понял. – Факторами будут моя Искра, вырезание рун, качество кнута и мои навыки владения кнутом. На следующий день Ронни сделал собственный кнут. Лучший материал, который он мог получить, был в лавке зелий, где продавали нити из золота. Он сплёл эти золотые нити так, чтобы они стали концом кнута. Создание заняло целый день, но так как Цермин всё ещё не оправился, ему больше нечем было заняться. Затем он решил потренироваться на Горе Феникса с какими-нибудь случайными животными. Он не планировал убивать всех фениксов. И уж тем более не сейчас, когда Цермин проснулся. Аурион, в конце концов, не любил этого, ведь они были его и Фаусоруса “детьми”. Их творением. Даже в те дни, когда он использовал их для достижения 80-го уровня, он убивал с уважением, быстро и милосердно. Лучше не вызывать гнев Ауриона сразу после того, как его протезе/сосуд спас его силой Света. Вместо этого Ронни испытал кнут на диких кабанах, оленях, зайцах и на всём, что попадалось ему на пути. Затем он приносил тушу, чтобы съесть её, не тратя впустую. Смерть, возможно, была для него чем-то радостным, но он никогда всерьёз не воспринимал её как что-то “весёлое”. Это было для него чем-то другим. Это была не игра, а скорее, как еда. Пропитание. Для Ронни каждая смерть заслуживала одинакового уровня печали, будь то животное или человек. Хороший или злой. Именно поэтому он испытывал глубокое отвращение к привычке Зевксиса играть с трупами. Ну, кроме Сордидо. Он задавался вопросом, будет ли он поступать так же, если получит голову Ловушки. Ронни вырезал руны бога Деметрия на своём кнутах и ударил им по бегущему кабану. Как только он это сделал... Кнут превратился в воду и создал такой же эффект всплеска, как когда-то у Зериава. Ронни экспериментировал, чтобы посмотреть, что ещё он может сделать. Кнут был уже из хорошего материала, но в его руках он был всё ещё относительно новым. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вызвать дождь, 30 попыток взмахнуть кнутом по воздуху, чтобы быть точным. И дождь был слабым, больше похожим на легкий ливень, которым Зерив тушил пожар в горящем лесу. Затем он попробовал с несколькими другими богами. По его оценке, с нынешним Золотым Кнутом он мог получить только около 30% силы, которую мог получить Герой-маг под покровительством бога. Даже не приближаясь к уровню самого божества. Тем не менее, это умение было бы очень полезным и универсальным в бою. Он отправился в библиотеку, чтобы почитать больше о богах и о том, какие особые дары и умения они могут даровать своим Героям. Его больше всего заинтересовала... Богиня Сили. Богиня Любви, Доброты и Изменения. Метаморфозы. Он знал, что Маригольд, как жрица и Герой-маг Сили, могла исцелять больных и раненых. Она также могла отрастить крылья бабочки и получить большую силу, чтобы поднимать людей, как только делает это. Так что, возможно, это могло принести ту самую перемену, которую он хотел. Изменение с этих одиноких и застоявшихся дней. Сначала он ударил маленького зайца, пока тот не истекал кровью от глубокой раны. Затем, начертив на своём кнутах руны бабочки и иконографию Сили... Он снова

ударил зайца. Ничего не произошло. Ронни пробовал снова и снова, но ничего не получалось. Затем он убил зайца быстро, используя кнут, как удавку, чтобы сломать ему шею. Но в тот момент, когда он это сделал... Заяц вместо этого вернулся к жизни и стал таким же здоровым, как всегда, грызя его палец. – Ага, теперь я понял. Доброта и сострадание приносят перемены, да? – сказал он, отпуская кролика. Ему нужно было сначала использовать кнут, имея в виду эти два фактора, чтобы получить желаемый результат. Проявить доброту и сострадание к Цермину. Но разве сам по себе этот акт не был бы достаточным? Разве это уже не было бы “добротой”? Тем не менее, он не хотел рисковать. Итак, с большой неохотой... Ронни заставил себя думать о добрых чувствах к Цермину, прежде чем буквально взмахнуть кнутом, чтобы вернуть его в норму. Он закрыл глаза, чтобы подумать о них. Во-первых, он действительно прогрессировал гораздо больше, чем в прошлых мирах. Ронни всё ещё не мог понять, как глупому Мин Ченгу удавалось это сделать, но он не мог отрицать этот факт. Во-вторых, у него было действительно чистое сердце, это было отвратительно. Такой невинный и наивный, что это выворачивало Ронни наизнанку. В-третьих, он был... Ну, он был хорошим другом, если учесть всё. Он довольно хорошо относился ко всем, кто становился его другом, и изо всех сил старался, даже когда ему иногда не хватало чего-то. С учётом всего этого и с твёрдым намерением вернуть его обратно как плату за его жертвы... ХРЯСЬ! Ронни открыл глаза и увидел Цермина, купающегося в золотом свете. Он был не таким слепящим, как свет Ауриона... А скорее, успокаивающим. Как свеча или свет светлячков ночью. Он продолжал сиять и сиять, пока свет не покрыл всю комнату... И Цермин открыл глаза. – Гэгэ... Это ты? Я сейчас с тобой на небесах? Ронни не ожидал такой реакции. Было понятно, что он подумал, что он на небесах из-за свечения в комнате, но... Он верил, что попал на небеса с этим “гэгэ”. Это была его первая мысль о загробной жизни, что он снова увидит его там. Как-то это давало Ронни странную боль в груди. – Ваше Высочество. – сказал Ронни, чтобы лопнуть его пузырь, показав, что он не его “гэгэ” и они не на “небесах”. Неважно, имелось ли в виду христианское или буддийское небо или какое-то другое понятие о том, что такое “небо”, даже Ронни не мог сказать. В этом полусонном состоянии его разум был чистым и пустым, как у богов. Он ещё не мог читать мысли, которые бегали у него в голове. Цермин остался сидеть прямо и смотреть на него, пытаясь понять, кто действительно этот человек. В конце концов, его глаза привыкли... – Ронни. – он всё ещё улыбался, несмотря на то, что это был не его “гэгэ”. – Вы очень долго спали, Ваше Высочество... – Цермин бросился к нему в объятия. – Я так рад, что ты в безопасности. Ронни не ответил на объятия, но и не оттолкнул его. Вместо этого он проверил, зажили ли все раны Цермина. Все зажили, и его здоровье полностью восстановилось. – Я тоже рад, что ты в безопасности. Теперь нам остаётся только ждать Зериава. – сказал Ронни. Цермин отпустил его, нахмурившись. – Зерив всё ещё не вернулся? Ронни кивнул, указывая на янтарное ожерелье, которое носил Цермин. – Он и Ловушка всё ещё в... Он запнулся, заметив трещину на нём и как свет проникал внутрь. Он засасывался внутрь, как будто трещина была чёрной дырой. В конце концов, янтарь медленно завис в воздухе. Он трясся и звенел, по мере того, как появлялись новые трещины, медленно разрушаясь изнутри... И из него вышли два человека! – Чудовище... это чудовище просто измотало меня до смерти... – Ха... У меня нет дыхания... Этот “доброжелательный священник” действительно что-то с собой делает, его выносливость – это выносливость зверя... Ронни посмотрел на них двоих. Они оба были в крови, но свет медленно исцелял Зевксиса. Он был в худшем состоянии, но Ловушке было только немного лучше. У обоих были запавшие щёки, они потели как сумасшедшие, одежда была в клочьях, от неё почти ничего не осталось. Они едва могли шевелить мышцами. Ронни опустился на колени рядом с ними. – Предполагаю, это ничья.